

НЕИЗВЕСТНАЯ РОССИЯ

Сегодня — день рождения Н. В. Гоголя. И хотя он был человеком сокровенным, внутренним, все-таки ему хочется предоставить трибуну. Что говорил он о самом главном для нас сегодняшних?

Нынче у нас время внеочередных съездов, пленумов, экстренных сообщений. Самое время обратиться к Гоголю не по случаю даты, а по случаю нужды нашей в его совете. Он много думал о главных вопросах нашей сегодняшней жизни и оставил нам свое ясное, чистое, мудрое слово.

«Еще никогда не бывало в России такого необыкновенного разнообразия и несходства во мнениях и верованиях всех людей, никогда еще различие образований и воспитания не оттолкнуло так друг от друга всех и не произвело такого разлада во всем...»

О чем говорит этот разлад? Не о главном ли недуге нашей жизни, который посерьезнее любых других, из которого, вернее, все другие вытекают и о котором, однако, самые большие ниспровергатели не говорят? Он сидит во всех нас, потому и болеть страна (ведь только из нас она и состоит).

«Она зовет теперь сынов своих еще крепче, нежели когда-либо прежде. Уже душа в ней болит, и раздается крик ее душевной болезни... Примиренье... теперь нужно...»

Нам может казаться, что мы вот-вот убедим своего противника фактами, аргументами, страстным словом. Но он поверит нам только тогда, когда почувствует любовь в нас, когда почувствует в себе любовь к нам. Тогда и аргументы с фактами будут уже не нужны.

«Но как полюбить братьев, как полюбить людей? Душа хочет любить одно прекрасное, а бедные люди так несовершенны и так в них мало прекрасного! Как же сделать это?... Для русского теперь открывается этот путь, и этот путь есть сама Россия. Если только возлюбит русский Россию, возлюбят и все, что ни есть в России...»

Заглянем в свою душу: не проглядели ли мы того, что уже не просто критикуем недостатки нашей жизни, но у нас ослабела любовь к России? Не стоит ли за всем нашим обличением и благородным негодованием, за раздорами свойственным нам всем, увы, осуждением способности любить вообще? Любить всё. Когда есть любовь в сердце, ничто не трудно, даже и слабости другого человека — не тяжесть.

«Нужно любить Россию» — так называлась глава в книге-исповеди, книге-проповеди, книге — «программе национального спасения», как назвал недавно «Выбранные места из переписки с друзьями» Гоголя публицист М. Ф. Антонов.

«Нужно любить Россию» — это не просто лозунг. Это реальный путь к исправлению нашей жизни. В этом — действительно ответ на вопрос, как помочь земле своей, как остаться ей верным сыном, как прожить жизнь истинную, ибо без любви — в том числе и без любви к родившей нас земле, — истинной жизни быть не может. Тут и думать нечего приступать к каким-то ее улучшениям, перестройкам, переделкам — сам не заметишь, как все еще больше разрушишь. Ибо все в душе нашей. Там — и судьба страны, и наша судьба.

Да как же можно любить такую Россию — когда жизнь ее столь несовершенна?!

Да вот это же и есть любовь — и такую, и другую, и какая бы ни была, и чем тяжелее ей, тем больше она нуждается в нашей любви, только любовь помогает, выводит к свету, к жизни лучшей. Если мы думаем о себе, то мы злимся на Россию, которая нам чего-то не дает.

Любовь не бывает: за что. Для нее нет: хороший или плохой. Для любви есть: мой.

«Безделицу позабыли! Позабыли все, что пути и дороги к этому светлому будущему сокрыты именно в этом темном и запутанном настоящем... Пока я еще мало входил в мерзости, меня всякая мерзость смущала, я приходил от многого в уныние, и мне становилось страшно за Россию; с тех же пор, как стал я побольше всматриваться в мерзости, я просветлел духом; передо мною стали обнаруживаться исходы, средства и пути...»

Тут речь о том, что надо нам не отталкиваться, не отмахиваться от заведомо дурного. Рассмотреть (как врач больного), в чем именно тяжесть этого дыхания, что ему мешает. И только тогда начнется путь к излечению.

Его не пугала никакая мерзость этой жизни, ничто не могло его «убедить», что вот, мол, все уже так ужасно, что надо «делать выводы»: добро бесцельно, «страна такая», «народ такой» и прочее. Будь здесь хоть пепелище. Любовь на то и есть высшее чудо, высший дар Божий, что она все может.

Но дар этот требует и нашей заботы о нем, терпения. Смирение хранит любовь.

Именно потому, что много зла кругом, и есть непотопный край работы добру. В этом и есть смысл знакомых нам слов: «Русь! чего же ты хочешь от меня? какая непостижимая связь таится между нами?»

Россия для нас сегодня не тайна, потому что мы слишком мало знаем о ней.

Мы много спорим о ней, мы отвергаем ее, мы пылко защищаем ее интересы, но нам не хватает глубины нашего отношения к ней.

«Велико незнание России посреди России», — читает у Гоголя. — Все живет в иностранных журналах и газетах, а не в земле своей. Город не знает города, человек человека; люди, живущие только за одной стеной, кажется, как бы живут за морями...»

«И прежде и теперь мне казалось, что русский гражданин должен знать дела Европы», — писал он в последний год своей десятилетней жизни в Западной Европе, которую извездил вдоль и поперек. — Но я был убежден всегда, что если при этой похвальной жадности знать чужеземное, упустить из виду свои русские начала, то знания эти не принесут добра, собьют, спутают и разбросают мысли, вместо того чтобы сосредоточить и собрать их. И прежде и теперь я был уверен в том, что нужно очень хорошо и очень глубоко узнать свою русскую природу и что только с помощью этого знания можно почувствовать, что именно следует нам брать и заимствовать из Европы, которая сама этого не говорит...»

Нам предстоит открытие собственной страны.

Наше знание истории, обычаев, знание духовных богатств страны, которые и сделали ее самой собой, так ничтожно... И чего стоят, следовательно, наши споры о том, какой ей быть, куда идти?

В последние годы жизни Гоголь начал писать книгу для юношества о России. «Нам нужно живое, а не мертвое изображение России», — писал он об этом труде, — та существенная, говорящая ее география, начертанная сильным, живым словом, которая поставила бы русского лицом к России еще в... первоначальное время его жизни», чтобы «вся земля от

края и до края со всей особенностью своих местностей... врезалась бы как живая в память даже несовершеннолетнего отрока и было бы ему очевидно даже во младенчестве, какому углу России что именно свойственно и прилично, и не пришлось бы ему потом в голову, придя в зрелый возраст, завидеть несвойственные ей фабрики и мануфактуры, доверяя иностранным промышленникам, заботящимся о временной собственной выгоде. И точно таким же образом чтобы ему еще во младенчестве видны были в настоящем виде качества и свойства русского народа со всем разнообразием особенностей, какими отличаются его ветви и племена, чтобы еще во младенчестве ему было видно, к чему именно каждый из этих племен способен вследствие орудий и сил, ему данных, и обращал бы он внимание потом, когда приведет его Бог в зрелом возрасте сделаться государственным человеком, на особенности каждого из них, уважал бы обычаи, порожденные законами самой местности и не требовал бы повсеместного выполнения того, что хорошо в одном угле и дурно в другом...»

Вся русская литература вела потом в разные стороны широкие ветви от гоголевского ствола, где уже были пущены все ее побеги. Он и нам задал много работы...

На этот свой труд Гоголь просил благословения старца Оптиной пустыни иеросхимонаха Макария, который в это время вместе с Киреевскими вел огромную работу по изданию творений святых Отцов Церкви.

Гоголь в «Переписке» разделил «обыкновенную любовь к отечеству», в которой есть опасность «отозваться приторным хвастаньем» («Доказательством тому наши так называемые красные патриоты: после их похвал, впрочем довольно чистосердечных, только плюнешь на Россию»), и другую любовь, неотделимую от верховного Промысла, «который так явно слышен в судьбе нашего отечества. Сверх любви участвует здесь сокровенный ужас при виде тех событий, которым повелел Бог совершиться в земле, назначенной быть нашим отечеством...» Здесь и речи быть не может о какой-то исключительности земли нашей самой по себе, о превозношении хоть перед кем-то — это самое противоположное христианству состояние, — но о том, что Промыслом возложен на нее именно такой крест. Такова неисповедимая воля Божья.

«Теперь в моде слова: народность и национальность», — писал Гоголь в одном из писем, — но это куда еще одни крики, которые кружат головы и ослепляют глаза. Что такое значит делаться русским на самом деле? В чем состоит привлекательность нашей русской породы, которую мы теперь стремимся развивать наперерыв, сбрасывая все ей чуждое, неприличное и несвойственное?... Высокое достоинство русской породы состоит в том, что она способна глубже, чем другие, принять в себя высокое слово евангельское, возводящее к совершенству человека. Семена Небесного Сеятеля с равной щедростью были разбросаны повсюду. Но одни попали на проезжую дорогу при пути и были расхищены налетевшими птицами; другие попали на камень, взошли, но усохли; третьи — в терние, взошли, но скоро были заглушены дурными травами; четвертые только, попавшие на добрую почву, принесли плод. Эта добрая почва — русская восприимчивая природа...»

Итак, не бесправие — история наша, но право более высокое, чем сухой эгоистический закон, расчертивший весь народ на клеточки и положивший каждому между, за которую нельзя заступать (я тебя не трогаю, и ты меня не трогай, тебе до меня дела нет, и мне до тебя нет). У нас действительно жизнь не устраивалась по букве закона, но не потому, что мы недоросли до такого закона, а потому, что всегда выше ставили закон духовный, закон Христов — жизнь по правде. Человеческий закон может регулиро-

вать жизнь, но построить истинную жизнь народа только на человеческом законе невозможно. Он хорошо служит материальным целям жизни, но не более того. То, что мы отреклись от православия и у нас не осталось ничего — ни привычки к закону внешнему, ни внутреннего закона Божия, — не говорит о том, что нам надо вернуться «хотя бы» к внешнему закону. У нас есть более плодотворные корни в истории, не эгоистическое, а соборное согласие.

«Там только исцелится вполне народ, где постигнет монарх высшее значение свое — быть образом Того на земле, Который Сам есть любовь, — говорит Гоголь. — В Европе не приходило никому в ум определять высшее значение монарха... Странницы нашей истории слишком явно говорят о воле Промысла: да образуется в России эта власть в ее полном и совершенном виде...»

«Зачем нужно... чтобы один из нас стал выше всех и даже выше самого закона? Затем, что закон — дерево; в законе слышит человек что-то жесткое и небратское. С одним буквальным исполнением закона не далеко уйдешь: нарушить же или не исполнить его никто из нас не должен; для этого-то и нужна высшая милость, умягчающая закон, которая может явиться людям только в одной полномощной власти...»

Сегодня мы озабочены тем, как сделать жизнь благоустроенной без Бога и как сделать порядок (с законом и чем угодно) без любви. Эта утопия не реальнее только что нами изжитой.

Гоголь писал в одном из писем:

«Разномыслие и несогласие во всей силе. Соединяются только проповедники разрушения. Где только дело касается создания и устройства, там раздор, нерешительность, опрометчивость. И до сих пор еще не догадались, что следует призвать Того, Кто один строитель порядка!..»

Знаменитая речь Достоевского о Пушкине дышит той праздничной примиряющей мыслью о единстве нации, что и книга Гоголя, мыслью о том, что разделение на западников и славянофилов — не неизбежная наша болезнь, что тут есть выход, что разделение это вообще мнимое, сугубо человеческое, что во Христе, в любви соединяется даже и это, казалось бы, противоположное:

«...Будущие грядущие русские люди поймут уже все до единого, что стать настоящим русским и будет именно значить: стремиться внести примирение в европейские противоречия уже окончательно, указать исход европейской тоске в своей русской душе, всечеловечной и всеобъединяющей...»

Мы потратили целый век на то, чтобы убедиться, что все-таки Пушкин, Гоголь, Достоевский — прямая, как стрела, магистральная линия русской культуры, — духовность русская, которая призвала держаться евангельской правды в устройстве жизни, — были правы. Что можно приобрести весь мир, но повредить своей душе — и тогда какая польза человеку (Мр. 8, 36)? Кто будет владеть этим миром? Бездушный человек? Но что может быть страшнее бездушного человека, владеющего всем миром? А обещание, что стоит только человеку сначала завладеть всем миром, как потом и душа его обогатится (ну как же, она же получит для этого все возможности — «все царства мира и славу их!»), оказалось, разумеется, всего лишь дьявольским искушением.

Нет, не ущербен наш народ. Наш народ — это и Пушкин, Гоголь и Достоевский. Все, что их услышал. Кто негасимой сохранил на нашей земле лампаду веры, надежды, любви. Как бы ни была она мала, тьма не объяла ее. И это уже от нас зависит — возжечь ли от нее в своем сердце пламя истины, тепла и единения.

Н. БУЛГАКОВ.